

АЛЕКСЕЙ СУХАРОВ

**БЕЛЫМИ
НИТКАМИ**

18+

Алексей Сухаров

Белыми нитками

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62999368

SelfPub; 2020

Аннотация

Кир и Кира, брат и сестра, близнецы. Мои творения. Сегодня я поведу их в лабораторию, где мы проводим эксперименты над чудодейственными белыми нитками – биоматериалом, с помощью которого можно сшить воедино мертвое... и сделать его вновь живым.

Крупное паукообразное существо по ту сторону стекла приняло агрессивную позу, как только почувствовало на себе наши любопытные взгляды.

– Как вы думаете, кто это? – спрашиваю детей и приобнимаю их за плечи.

Кир нетерпеливо откидывает мою руку, подбегает к террариуму и стучит пальцем в стекло. Существо это, очевидно, не нравится, и оно привстает на всех восьми ногах, готовясь отражать нападение.

– А, если быть точнее, из чего оно состоит?

Любознательный пацан. Весь в меня, и это радует. Пытливый ум – необходимое качество для ученого.

– Это паук, папочка, – отвечает Кира. – Но выглядит, как будто он из мяса.

Мое ж ты солнышко. Наклоняюсь к ней поближе и говорю:

– Да, Кира, умница. Его повадки сильно напоминают повадки паукообразных. Правда и в том, что это – не совсем паук. Это – искусственно созданный организм, и он сшит из восьми аппендиксов. Вы уже знаете, что такое аппендикс?

Кир и Кира, брат и сестра, близнецы. Сейчас они стоят передо мной и мотают головами. Мои творения. Закатываю рукава халата поближе к локтям и перехожу на тон, подходящий для маленькой, ненавязчивой лекции:

– Аппендикс – это червеобразный отросток толстой кишки. Находится он здесь, в правом боку, – показываю на соб-

ственном животе, – и он, если не вдаваться в подробности, не столь и необходим человеческому организму. А если аппендикс воспаляется, то его, – демонстрирую резкий, режущий жест, – удаляют. Вот и получилось так, что бесполезные отростки кишок, которые после операции становятся еще более бесполезными, обрели в этом удивительном существе новую жизнь. Здорово, правда?

Паук-аппендикс перебежал на другую сторону террариума и затаился в углу.

– Здорово, – отвечает Кира. – И что, можно что хочешь вот так вот сшить, и оно будет как этот паук?

Расплываюсь в улыбке. Она все схватывает на лету.

– Пройдемте дальше. Вы сами все увидите.

Кир наконец-то прекратил преследовать взглядом существо, и теперь паук важно, медленно продвигается к центру террариума, прощупывая червеобразными лапами грунт вокруг себя.

Они сидели за столом и завтракали хлопьями, когда я поздравил Наталью, их молодую няню, и сообщил:

– Наташ, в субботу можете не приходите. Я хочу взять их на целый день в лабораторию.

– Хорошо, – ответила она.

Мы шагаем по коридорам, и я только и отдергиваю Кира от многочисленных колб и резервуаров с двухголовыми змеями и черепахами. Мы здесь совсем не для этого.

– Еще успеешь на них наглядеться, Кир.

– Когда успею?

– Чуть позже. Нас ждет что-то гораздо более интересное.

Они расстроятся, когда узнают. Они очень любили Наташу.

То, что я хочу показать детям, находится сейчас за моей спиной, и оно прикрыто широкой черной ширмой. Встаю перед клеткой и обращаюсь к двум маленьким задранным головкам.

– Как вы знаете, я терпеть не могу мусор. Догадываетесь, почему так? Все очень просто: мусор – бесполезен.

Черная ширма на клетке – отнюдь не для того, чтобы я, как фокусник, откидывал ее в сторону на презентациях и экскурсиях, подобных этой.

– Однако чем хорош технический прогресс: теперь возможна такая вещь, как zero-waste, то есть безотходное производство и переработка мусора. Все, что плохо лежит, портит окружающую среду и не имеет какого-либо смысла, может быть заново воплощено в предметах, вещах и даже живых существах, которые будут этот смысл иметь.

И даже не потому, что мы прячем это от любопытных глаз.

– А то, что сейчас скрыто за моей спиной, совершенно удивительно сочетает в себе все, о чем говорит философия zero-waste: во-первых, оно сшито из... так скажем, отходов, и, во-вторых, оно само может питаться чем угодно, включая неразлагаемый мусор.

А потому, что эта тварь боится света.

Я сбрасываю ширму с клетки, и в этот же момент наши уши закладывает от противного, оглушающего визга. Плотная, густая, зловонная слюна с шипением брызжет на пол.

– Не бойтесь, не бойтесь. Поорет и перестанет. Но близко не подходите.

Огромная, практически бесформенная масса из кусков тел, конечностей и голов двигается в мою сторону.

– Хочет кушать, – подмечаю я, разглядев на лицах детей ужас вперемешку с восхищением. Такая первобытная, дикая эмоция. Эмоция ученого – убийцы и создателя.

Нажимаю на кнопку, и в клетку вываливаются два целлофановых мешка с мусором. Тварь тут же бросается к ним, оставляя за собой гигантские, темные полосы слизи. Конечностями оно разрывает, раздирает мешки и подтаскивает отходы к многочисленным головам на разных частях туши.

Их мать умерла год назад. Причина смерти – последствия интоксикации.

– Мы кормим его мешками с мусором отнюдь не случайно, – сообщаю притихшим детям. – Части этого организма были найдены как раз в подобных мешках. Такое, знаете, бывает, когда одни люди не нравятся другим, нехорошим, людям. Расчленить и затолкать отрезанные и отрубленные куски в мешок – довольно частый и, надо признать, не лишенный эффективности способ избавления от мертвых тел. Проблема тут в том, что мешки разлагаются очень долго. А это вредит природе.

– Они были бесполезны, а теперь живы и помогают нам? – спрашивает Кира.

В секундных перерывах между трапезой тварь довольно рычит.

– Все так, дорогая. Нам передали несколько таких мешков, а мы сшили содержимое воедино и нашли этому применение. Обществу эти несчастные уже вряд ли пригодятся, ведь думать, говорить и творить они не умеют. А вот скармливать им другие мешки – вполне рабочая тактика. Понимаете, все в нашей жизни должно иметь свое предназначение. Все должно иметь собственный смысл. Бессмысленное подлежит переработке.

Кир и Кира, брат и сестра, близнецы. Сейчас они стоят передо мной и, шокированные, наблюдают за обедом колоссального асимметричного монстра. Я их понимаю – в сравнении с паучком из кишок, в данном зрелище значительно меньше того, что понравится им по возрасту.

– А теперь давайте посмотрим, откуда мы берем то, что позволило нам сшивать отжившую плоть в новые организмы, – я накидываю ширму обратно на клетку, оставляя тварь наедине с ее любимым лакомством из целлофана и тухлятины.

Я очень хотел детей. И я очень хотел близнецов.

Чувство неуверенности в собственных силах прошибло меня насквозь, как только я заглянул в большие, наивные, непонимающие глаза Натальи.

– Хорошо, – ответила она.

Первый шаг сделан. Остался второй.

– И потом... тоже можете не приходите. Я планирую целиком и полностью взяться за их воспитание. Я более не нуждаюсь в ваших услугах.

Мы стоим в центре лаборатории. Здесь расположен механизм, изменивший наши представления о мертвом и живом.

Она расстроилась, когда это услышала. Она очень любила детей.

– Так много мышей, – удивляется Кир.

– Сейчас их станет несколько меньше. И поверьте, здесь не должно быть места никакому сожалению.

Мыши в контейнерах. Полоса препятствий перед ними.

– Естественный отбор предполагает, что выживает сильнейший, а тот, кто не может преодолеть условия среды, погибает и исполняет свою роль – к примеру, в виде пропитания для хищника или падальщика. Таким образом, есть те, кто достойны продолжать свой род, а есть те, чья смерть – источник жизни для других.

Мышь из контейнера вываливается на полосу препятствий. Близнецы смотрят на нее, не отрываясь.

– Этот механизм – воплощение естественного отбора. Правила просты: у мышей есть только одна попытка, и за эту попытку они должны дойти до конца полосы препятствий.

– А почему только одна? – беспокоится Кира.

– Потому что в живой природе у зайца не может быть двух

попыток спастись от волка. Он либо убегает, либо умирает.

На этих словах мышь попадает под падающую пилу. Появившаяся сбоку механизма метелка легким движением сбрасывает обе части разрубленного животного в нижний цилиндр.

– А как мышь должна понять, что ей нужно пройти полосу? – вопрошает Кир.

Цилиндр внизу загудел, оповестив нас о начале своей работы. Новая мышь оказывается среди сотен миниатюрных, но беспощадных устройств.

– Инстинкт, – отвечаю я.

Мышь маневрирует между прессами, но в последний момент натывается на штырь. Метелка стряхивает еще дергающегося грызуна в цилиндр.

Кир и Кира, брат и сестра, близнецы. Сейчас они стоят перед чудо-механизмом и наблюдают, как мыши, одна за одной, оказываются раздавленными, распиленными, пробитыми насквозь. Мои творения.

Жаль, что не идеальные.

Из двадцати мышей до конца полосы дошли всего две. Цилиндр внизу замолкает, и это значит, что материала достаточно.

– А теперь смотрите внимательно, – призываю я близнецов и подталкиваю их поближе к устройству. Дергаю рычаг, и цилиндр выпускает на подставку несколько слоев длинных, как спагетти, тонких и почти прозрачных нитей.

Правда, это можно исправить.

– Белые нити – так мы назвали этот непревзойденный по своим свойствам биоматериал. Его можно добыть из существ, только что переживших страх смерти – и саму смерть, а ключ здесь – в распаде гормонов надпочечников внутри уже мертвой плоти. Мы материализуем нити с помощью биохимических реакций внутри вот этого цилиндра. Мыши, неспособные преодолеть полосу, исполняют свое предназначение – они становятся источником жизни для других в виде нитей. Другие, кто добрался до конца полосы, ролят нам потомство – а оно, в свою очередь, даст новые нити. Благодаря воспроизведению естественного отбора в лабораторных условиях, мы делаем нити более прочными и качественными – но уже сейчас они могут надежно сшить все, что угодно.

Всего лишь вопрос времени.

Кир неловко касается нитей на подставке, но, испугавшись их влажного тепла, отдергивает палец.

Остается одно последнее действие. Я поворачиваю клапан, и белые нити скручиваются вокруг катушки.

– Восхитительно, – говорю я детям и достаю катушку из механизма. – Величие науки в моих руках.

– И что теперь? – интересуется Кира.

– А теперь – к швейной машине. Сюда.

Пропускаю детей вперед, кладу катушку в карман халата. Подхожу к столу с пробирками и беру в ладонь ампулу с иглой, помещаю ее меж пальцев. Вторую ампулу нащупываю в

кармане с катушкой.

Я очень хотел детей. И я очень хотел близнецов. Но не таких.

Догоняю Киру и опускаю ей ладонь на плечо. Слегка надавливаю, и спустя мгновение моя дочь мягко, будто находясь под водой, опускается на пол.

Я хотел настоящих близнецов.

Кир оборачивается немного не вовремя. Подскакиваю в два шага и всаживаю ампулу ему в грудь. Пацан успеваает издать лишь короткий и глухой крик.

Сиамских.

Кир и Кира, брат и сестра, близнецы. Сейчас они стоят в швейной машине спиной к спине, волос к волосу. Готов поспорить, последний раз они были так близки еще в утробе матери. А еще я не могу припомнить, когда они были настолько тихими. Мои творения. Совсем не идеальные, но мы это исправим. Без держателей они бы уже давно свалились на пол, но пресс фиксирует плотно, чтобы исключить вероятность ошибки.

Загружаю катушку с белыми нитками в контейнер. Щелкаю выключателем. Смотрю на бесчувственные, немые лица собственных детей. Швейная машинка гудит и вибрирует, набирая обороты.

Я очень хотел детей. И я очень хотел близнецов. Настоящих, сиамских. Поэтому я подсыпал их матери яды в пищу. Я очень хотел, чтобы зигота не разделялась как можно дол-

ше. Но я рассчитал неверно, и родились обычные, здоровые близнецы.

Механизм машинки опускается вниз и касается лиц с противоположных сторон. Железки как будто пристально всматриваются в тела детей, оценивая фронт своей работы. Нарастание энергии и ее выплеск. Белые нити пробивают головы близнецов насквозь, кровь струями покрывает стенки машины. Пресс стягивает стежки так сильно, что тела детей неестественно изгибаются даже под давлением держателей. Нитки крепкие, прочные. Качественные.

Но я – не из тех, кто бросает эксперимент на полпути.

Пока я наблюдаю за тем, как машинка пронзает грудные клетки моих детей и перетягивает их тела вместе, словно корсетом, я размышляю о том, какое чувство я сейчас испытываю. Ужас вперемешку с восхищением? Наверное. Первобытная, дикая эмоция. Эмоция ученого – убийцы и создателя.

Белые нити врезаются в паховые области и опутывают близнецов по всей длине уже единого туловища. Я вижу, как они легко, почти беспрепятственно проникают внутрь тазовых костей для действительно долговечной фиксации.

Обычные, здоровые близнецы не имели для меня никакого смысла. А бессмысленное – и это я знаю совершенно точно – подлежит переработке.

Механизм машинки сбавляет обороты.

Кир и Кира, брат и сестра, близнецы. Сейчас они, все

так же без сознания, стоят под держателями настолько близко друг к другу, насколько я всегда мечтал. Пресс снижает давление, машинка открывается, и я подбегаю к устройству, чтобы подхватить новое, сшитое тело прямым на руки. Мои творения. Теперь уж точно и безо всяких сомнений.

Я несу близнецов в оборудованную к их приходу детскую. Кровь свертывается и сгустками пачкает мой халат. От переизбытка чувств я не сдерживаюсь и целую детей в их сдвоенную макушку.

Кира, кажется, приходит в себя и вопросительно смотрит на меня снизу вверх. Она еще не догадывается, что повернуть голову в сторону теперь будет не так и просто.

– Все хорошо, – тихо говорю ей. – Все уже закончилось.

Светлый коридор бесконечно тянется куда-то вглубь комплекса.

– Так лучше, – улыбаюсь Кире и замечаю легкое движение ее губ в ответ.

Дверь детской прямо за углом.

– Так гораздо лучше.